

ной битвой с татарскими ордами Мамай, когда на Дону решалась судьба Руси, московский князь Дмитрий, прозванный Донским, выразил волю всех русских людей, сказав: «Или победим и все от гибели сохраним, или сложим свои головы. Честная смерть лучше позорной жизни». И все русские воины сдержали клятву князя — в жестокой битве на Куликовом поле не посрамили они чести русской, много пролили крови своей, но отстояли родную землю, отстояли независимость Руси, добыли честь и славу ей.

«Лучше смерть, чем иноземное иго», — сказал русский народ устами своего славного патриота нижегородца Кузьмы Минина, когда судьба Руси вновь подвергалась тяжелому испытанию. «Не пожалеем животов своих, чтобы спасти отечество», — клялись ополченцы, по призыву Минина двинувшиеся на смертный бой с врагом, и во главе с отважным воеводою Пожарским под стенами Москвы они разбили наголову войско иноземцев, кичливо заявлявших, что они будут хозяевами Руси.

Испокон веков в борьбе за отчизну русский воин не знал колебаний и страха. «Кто не постоит за родину свою, за землю русскую, которую завещали нам деды и прадеды наши, а мы завещать должны детям и внукам своим, чтобы было им где жить и тужить, веселиться и радоваться. Разве жить им на чужой земле, в поденщиках у чужого народа?» — говорил русский

солдат. И эти слова народной мудрости передавались из уст в уста, от поколения к поколению как поговорки и пословицы, в которых выражена непреклонная воля народа: «С родительской земли, умри, да не сходи», «Лучше быть порубленным, чем быть плененным», «Не стой за волосок — так бороды не станет», «За честь, хоть голову с плеч».

Во многих битвах за родину воспитывалось бесстрашие русского воина, и слава его прошла по всему земному миру.

Бессмертны вы вовек, о русски исполины,
В боях воспитаны средь бранных непогод!

(А. Пушкин).

Во много раз страшнее смерти всегда было для русского воина запятнать честь свою трусостью. «Не смерть страшна, а стыд страшен», — говорит народная мудрость. Трусость в бою всегда рассматривалась народом как измена, предательство, и приговор, ожидавший труса, был суров и беспощаден.

Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши
Погибнет без славы

(М. Лермонтов).

Сколько презрения и ненависти к трусам выражено в крылатых словах русского народа: «На смелого собака лает, а трусливого рвет»,

«У страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки», «Трус пугается своего хвоста».

С древнейших времен на Руси позорная смерть была неизбежной участью труса на войне. Трус как предатель и изменник безжалостно уничтожался здесь же на поле боя.

Петр I однажды перед боем, призывая солдат грудью постоять за русскую землю, говорил: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля».

Великий Суворов, любимец русского солдата, преклонявшийся перед его мужеством и героизмом, постоянно предупреждал войска:

— Шаг назад — смерть.

Красная Армия — наследница героических традиций русского воинства — с первого дня существования воспитывалась своими вождями и полководцами в духе самого беспощадного отношения к трусам и паникерам, как к предателям и изменникам.

«Кто не помогает всецело и беззаветно Красной армии, не поддерживает из всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, — говорил Владимир Ильич Ленин, — того надо истреблять беспощадно». Такой же беспощадной кары требовал Ленин и для тех, «кто на войне заботился о своей персоне».

«Расстрел — вот законная участь труса на войне», — учил Ленин.

Устами Ленина говорил народ, вобравший в себя мудрость веков. Указание Ленина стало незыблемым законом в Красной Армии, еще в годы гражданской войны беспощадно истреблявшей в своих рядах шкурников, трусов и паникеров.

Первый полководец Красной Армии Михаил Фрунзе призывал советских воинов быть безжалостными к тем подлым душам, которые «оставляют своих братьев и бегут, отказываясь от выполнения своего долга перед народом».

Первое правило, которое установил Николай Щорс в своем отряде, прославившемся в 1918 году героической борьбой с немецкими оккупантами, гласило: «Боец, вышедший из боя без приказа командира, расстреливается, как за измену».

Александр Пархоменко, чья храбрость создала легенды, говорил своим бойцам: «Больше всего, товарищи, мы должны стыдиться трусости. Все забудется, голод, холод, нужда, страдания, а вот трусости народ никогда не забудет».

С такой же суровостью, с таким же презрением относился к трусам и паникерам и Василий Чапаев. Его заповедь была: «Ни шагу назад, только вперед. Если убьют, — и то головой вперед падай».

После окончания гражданской войны Владимир Ильич Ленин говорил, что одним из условий победы было то, что лучшие советские люди, совершая чудеса храбрости, стойко перенесли неслыханные лишения, жертвуя собой, беспощадно уничтожали трусов и паникеров.

* * *

Товарищ Сталин еще в первые дни великой отечественной войны, предвидя, что борьба будет тяжелая, предупреждал: «Необходимо... чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе». И в первые же дни войны десятки тысяч советских бойцов, командиров, политработников на деле доказали, что они не знают страха в борьбе с ненавистным врагом. Малодушные и подлые людишки, трусы и паникеры сразу почувствовали, что они одиноки, что их ждет смерть и позор.

В дни жестоких оборонительных боев на дальних подступах к Москве, в окопах у разъезда Дубосеково 28 гвардейцев героически отражали атаку 50 фашистских танков. Только один позорно струсил, хотел сдаться в плен, но не успел он поднять руки, как сразу несколько пуль пронзили его грудь. Гвардейцы, не сговариваясь, прикончили трусливого изменника.

Имена 28 гвардейцев будут вечно сиять в ореоле славы. Эти герои погибли, не пропустив фашистские танки, а имя двадцать девятого, если кто когда и вспомнит, то только с презрением, с ненавистью. Имя его проклято отчизной, и матери его стыдно смотреть в глаза своим односельчанам и односельчанкам. Жена его проклинает тот час, когда назвала проклятого труса своим мужем. Дети его — несчастные дети. Они должны забыть его, не вспоминать об отце. Они не захотят быть детьми труса, они отрекутся от него.

Труса сразу узнаешь и в бою и перед боем: Вот он, предатель, с воровски бегающими глазами, бледный и потный. Одна у него дума: как бы сохранить свою подлую, никому ненужную жизнь. Трус — он подведет и своего товарища, с которым рос вместе, на одной школьной парте сидел; он подведет и свое отделение, и свой взвод, и всю роту. Потому что ему наплевать на десятки жизней своих товарищей по оружию, ему наплевать на то, что из-за его предательства попадет в немецкое рабство собственная семья, сотни и тысячи советских людей.

Однажды группа связистов попала в окружение противника. Только мужество и смелость могли помочь советским бойцам вырваться в расположение своих войск. Большинство свя-

зистов обладало этими качествами. Но один красноармеец оказался подлым трусом. Он то и дело повторял, что надо сдаваться в плен. А когда около блиндажа, в котором находились связисты, разорвалось несколько немецких гранат, трус и паникер закричал:

— Мы пропали — танки!

Этот крик чуть было не погубил всех бойцов. Положение спас сержант, он поднял винтовку, и прикончил пулей предателя. После этого вся группа связистов пошла в атаку и с боем вырвалась из окружения.

Паникер — первсйший трус и предатель. Это он перед боем шопотом рассказывает о якобы несметных силах неприятеля, это он разносит бредни и слухи, занесенные в наш тыл фашистскими шпионами и провокаторами. Это он в разгар боя сеет панику, истощно крича:

— Танки!

— Мы окружены!

Паникер своими разговорами и криками подрывает боевой воинский дух своей части, своего подразделения, тем самым он способствует врагу. Поэтому паникера надо уничтожать без всякого колебания, как труса и предателя, как тифозную вошь, как бациллу чумы.

Одна наша саперная часть располагалась в непосредственной близости от переднего края обороны, занимая важный рубеж в ближнем тылу. Однажды противник усилил артиллерий-

ский обстрел переднего края обороны. В это же время несколько наших танков с переднего края двинулись в тыл, на ремонт. Приняв свои танки за танки противника, красноармеец Н. крикнул:

— Танки! Немцы прорвали оборону!

Этот крик был подхвачен несколькими паникерами. Затем следом кто-то пустил ложный слух о том, что будто 300 немецких танков прорвали нашу оборону и идут в тыл. Вся часть дрогнула и стала отступать. Только решительные меры и немедленное уничтожение паникеро^в восстановили положение.

Паникер — подлейший враг советского народа! Особенно опасны паникеры, если на поле боя оказываются неопытные, необстрелянные бойцы, не встречавшиеся с противником, не видевшие еще, как удирают немецкие солдаты.

Бороться с распространителями панических слухов — обязанность всех командиров, политработников и бойцов.

Если ты сегодня не обратишь внимание на показавшуюся тебе вздорной и пустой болтовню, завтра она обрастет, как снежный ком, и ты сам окажешься в плену у нее. Фашисты не брезгают ничем, идут на всякие провокации и надувательства, используя доверчивость беспечных людей. Паникер — первый пособник врага; потому единственно справедливый приговор паникеру — расстрел на месте. Паника и тру-

сость — это две стороны одной и той же медали.

В нынешние грозные для Родины дни безжалостно уничтожать трусов и паникеров — долг каждого воина Красной Армии. Надо, чтобы наши советские воины «были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин» (Сталин).

Ежедневно газеты сообщают все новые и новые имена бойцов, командиров и политработников Красной Армии, показывающих чудеса храбрости на фронтах отечественной войны.

«Храбрость воинов Красной Армии беспримерна», — сказал товарищ Сталин.

Каждый подвиг, совершенный во славу Родины, зовет на новые подвиги тысячи бойцов, которые вчера еще были незаметны в своих частях. Простые, скромные люди в дни величайшей опасности идут на подвиг, ибо они понимают ответственность, которая лежит на них, ибо они знают, что только железная стойкость, невиданное упорство, сочетаемое с боевым умением, помогут отразить врага, остановить его, спасти Родину, подготовить окончательный разгром немецких фашистов.

Каждый на своем участке, на своем маленьком поле боя — является грозной силой для врага, если он действительно решил победить или умереть, как сделал это красноармеец Григорий Домнышев.

«Наступающий батальон вынужден был залечь, путь ему преграждали три ряда проволочных заграждений. Это была не обычная проволока, в которой бойцы давно уже научились прокладывать проходы. Стоило к ней прикоснуться, как раздавался взрыв. Люди падали, сраженные осколками невидимой мины. Несколько смельчаков уже распластались мертвыми на траве. В рядах наступающих появилось замешательство. Тогда комбат вызвал охотников резать проволоку. Несколько человек подползли к нему. Среди них был боец Григорий Домнышев, маленький, белокурый, тихий, ничем до тех пор не примечательный человек.

— Разрешите мне, товарищ комбат. Я, кажется, понял эту немецкую музыку.

И вот он один ползет к проволоке, маскируясь в траве, неся в руке длинную ольховую палку с сучком на конце. Весь батальон следит за ним, затаив дыхание, отвлекая немцев частой стрельбой. Вот он уже у проволоки, зацепился за нее крючком, качнул. Раздались два сильных взрыва. Осколки с визгом пронеслись мимо прильнувшего к земле бойца, воздушной волной его отбросило метра на четыре. Убит — пронеслась